

Если бы не Цуй И, он даже представить не мог, как бы вчера разгребал ту кучу дел. Хорошо, что есть Цуй И. Он всё время считал, что стал намного круче и смелее, что со многим может справиться сам, но когда дошло до дела, понял: он всё такой же бесполезный, как и раньше. Чу И опустил на стул, прислонился к стене и тяжело вздохнул.

На завтра у него была намечена поездка с ребятами из общежития — они собирались в горы, планировали покататься на канатке. Когда Чжоу Чунъян прислал сообщение, чтобы подтвердить планы, Чу И пришлось отказаться.

— Что случилось? — Чжоу Чунъян тут же позвонил. — Ты же говорил, что свободен.

— Внезапно появились дела, — Чу И не знал, как объяснить. — Раньше не знал.

— Ну тогда завтра поедем вдвоем: я, Сяоян и У Суй, — вздохнул Чжоу Чунъян. — Те двое решили притащить своих девушек, так что я в пролете.

— Возьми с собой парня, — сказал Чу И.

Чжоу Чунъян рассмеялся:

— Где ж его взять? Тут на одного глаз положил, да только подступить не могу.

Чу И промолчал.

— Ладно, завтра буду «фонарем», — сказал Чжоу Чунъян. — Как все вернутся в общагу, выберемся куда-нибудь еще раз.

— Угу, — отозвался Чу И. Сказав это, он засомневался: даже когда праздники закончатся, у него вряд ли появится свободное время — придется отпрашиваться, чтобы ухаживать за Янь Ханом.

Он не знал, стоит ли сейчас говорить об этом Чжоу Чунъяну.

— Что такое? — Чжоу Чунъян, видимо, уловил перемену в его тоне. — Какой-то ты вялый.

— Мне, возможно, придется взять отгул, — произнес Чу И. — На несколько дней. У меня дела.

— ...Случилось что-то? — спросил Чжоу Чунъян. — Если что-то не так, говори, мы с Сяояном и остальными поможем.

— Нет, не надо, — ответил Чу И. — Мелочи.

— Это... — Чжоу Чунъян начал было, но осекся. — В общем, если что, обращайся.

— Угу, — Чу И улыбнулся.

Другой пациент в палате был очень тихим: всё спал, с утра до ночи, и даже когда просыпался, не издавал ни звука — вероятно, болезнь была серьезной.

В сравнении с ним состояние Янь Хана было гораздо лучше. Днем он пребывал в полудреме, но к вечеру почти полностью приходил в себя, вот только двигаться пока не мог. Да и врач не разрешал — только лежать.

— Скоро придет сиделка, попрошу его протереть мне тело, — Янь Хан вздохнул. — Ощущение, будто я весь какой-то коркой покрылся, невыносимо.

Сиделка будет протирать?

Чу И замер.

— Я протру, — он встал.

— Ты? — Янь Хан посмотрел на него с легким сомнением.

Чу И промолчал. Из-за этого сомнения в глазах Янь Хана ему тут же захотелось провалиться под кровать.

С тех пор как Янь Хан проснулся утром, они ни разу не упомянули вчерашний инцидент. У Янь Хана, должно быть, не было на это сил, а у него самого — смелости. Та крохотная крупица мужества, которую он собрал в кулак, чтобы произнести «я тебя люблю», испарилась. И не важно, пострадал Янь Хан из-за его слов или нет — он даже мысленно не смел возвращаться к тому моменту.

А сейчас, столкнувшись с секундным колебанием Янь Хана, он моментально струсил. Неужели Янь Хан догадался о его чувствах и теперь брезгует таким физическим контактом? Но слова уже сказаны, как их взять назад?!

Чу И стоял у кровати, остолбенев.

— Тогда давай ты, — сказал Янь Хан.

— А? — Чу И посмотрел на него.

— Что, — Янь Хан тоже смотрел на него, — уже через секунду передумал?

— Нет. — Чу И поспешно бросился в туалет, намочил полотенце и вернулся.

— На самом деле, это могло подождать, — Янь Хан откинул одеяло. — Ты же двое суток не спал...

От этих слов у Чу И защемило в груди. Он отвел взгляд, боясь, что сейчас нечаянно разревется.

«Слюняй», — выругал он себя.

— Боюсь, ты от волнения клюнешь носом прямо в мои раны, — пошутил Янь Хан.

Чу И замер, потом улыбнулся и принялся внимательно изучать больничную пижаму Янь Хана. Довольно старомодный фасон — на завязках.

— Одежда какая-то не, не научная, — Чу И принялся развязывать узлы один за другим. — Если попадется кто-то ду, дурак, и завяжет намертво, что тогда де, делать?

Янь Хан улыбнулся и вздохнул.

— Рана не бо, болит? — спросил Чу И.

— Ты поменьше разговаривай, — отозвался Янь Хан. — Если не будешь смешить, болеть не

будет.

Чу И поджал губы и замолчал.

Когда он распахнул пижаму, то нахмурился. Он-то думал, что у Янь Хана только ножевое ранение в боку да порез на руке, но теперь увидел, что это не всё: еще три места были заклеены пластырями — должно быть, там тоже раны. А еще виднелись ссадины.

— Почему... — Чу И с полотенцем в руках даже растерялся, куда его прикладывать. — Так много ранений?

— Это всё пустяки, — сказал Янь Хан. — Через пару дней заживет.

— Тот человек... — Чу И нахмурился, осторожно протирая грудь Янь Хана. — Я ведь мо, мог его схватить.

— Ну конечно, — сказал Янь Хан. — Наш Брат Гоу одним ударом мог бы его уложить.

Чу И промолчал. Протерев грудь, он перешел к рукам и, заметив толстые слои бинтов, не сдержался:

— А рука поче, почему... Ты что, схватился за нож?

— Если бы не схватился, он бы вогнал его по самую рукоять, — сказал Янь Хан. — Тогда бы я сейчас, наверное, и говорить не мог.

Чу И больше ничего не сказал. Ему хотелось узнать подробности, хотелось понять, как именно Янь Хан получил ранения, но, задав один вопрос, он снова почувствовал, что спрашивать не стоит.

На теле Янь Хана почти не осталось чистых мест: грудь, три небольших раны по бокам ребер, огромный пластырь на поясе и животе. Короче говоря, свободных для протирания зон было не так много. Когда он протирал живот, то потянул одеяло вниз. Брюки пижамы тоже были на завязках, и так как Янь Хан был после операции, их не завязали. Когда Чу И потянул одеяло, оно увлекло за собой край брюк.

Только тут Чу И дошло: пациент после операции... был без нижнего белья.

Он застыл с полотенцем в руке.

От его рывка брюки сползли, обнажив весь низ живота Янь Хана — подтянутый, плоский, и даже в периферийном зрении мелькнуло...

— Эй, — Янь Хан протянул руку и подтянул брюки. — Если кто-то войдет, будет неловко.

Чу И поспешно помог ему поправить одежду.

— Я пойду, про, прополощу... — Он не знал, то ли он так нервничает, то ли ему так стыдно, то ли... Он махнул рукой, бросил слова и скрылся в туалете.

Оказавшись там, он открыл кран и, полоща полотенце, был в шоке от того, насколько он потерял всякий стыд. В больнице, в палате, перед раненым Янь Ханом — он смог возбудиться, всего лишь мельком взглянув на его живот, даже не разглядев, что ниже!

В этот момент, кроме потрясения, у него не находилось слов, чтобы описать свои чувства. К счастью, остатки разума в теле еще теплились, и пока он медленно отжимал полотенце, эта постыдная реакция постепенно улеглась.

Он вернулся к кровати с чистым полотенцем.

— Протри спину, — сказал Янь Хан.

— Угу. — Чу И осторожно подтолкнул Янь Хана на тот бок, где не было раны на поясе.

Со спиной всё было неплохо — никаких ран, только небольшой синяк. Чу И очень аккуратно протер его, а затем бережно уложил Янь Хана обратно на спину.

— Так гораздо лучше, — Янь Хан прикрыл глаза.

Чу И положил полотенце и снова сел на край кровати, уставившись в пол. После первого шока навалилась подавленность, потом — недовольство собой, а следом и настоящий гнев.

Он не понимал, что с ним творится. Даже если он влюблен в Янь Хана, зачем так реагировать? Что за недуг такой! Он же не в самом деле пес! Даже если бы был псом — сейчас осень, с чего бы это вдруг у него начался период размножения?!

— Поешь что-нибудь, — сказал Янь Хан.

— Нет аппетита, — буркнул Чу И.

— Днем же ничего не ел, — Янь Хан повернул голову и посмотрел на него. — Не ешь, не пьешь, не спишь?

— Питаюсь святым духом, — ответил Чу И.

Янь Хан дважды усмехнулся, а потом вздохнул:

— Перестань болтать.

— Тогда я пойду, по, поем что-нибудь, — сказал Чу И. — Ты подремлешь?

— Угу, — кивнул Янь Хан.

Чу И еще раз смочил ватную палочку водой, чтобы увлажнить губы Янь Хана, и только после этого вышел из палаты.